

Громоздовая бюрократическая машина, эффектно работающая против человека. Постоянные переходы нуждающихся из одних чиновничьих кабинетов в другие. Бесконечные разговоры с работниками социальных служб,

Знакомая картина? Думаю, да. Вот только всё описанное выше — это не постсоветская реальность современной России, это вполне себе благополучная Британия, впрочем, не самый её уважаемый район — небогатый город Ньюкасл.

Именно здесь приходится пережить глубокую драму герою фильма Кена Лоуча “Я, Даниел Блэйк”. Перейти по пустячному, казалось бы, поводу.

Даниел не был ни революционером, ни бунтарём, ни каким-то ниспровергателем основ. Гонял соседа, если тот вовремя не убирал мусорный пакет от своей двери. Ругался с хозяином собаки, который приводил её справлять нужду в чужой двор.

40 лет проработал плотником. Потеряв жену и не имея детей, Даниел остался совсем один.

И вдруг сердечный приступ (сам по себе факт тяжёлый) стал причиной череды мытарств главного героя, началом издевательства государственных структур над честным работягой.

Врач Даниела объясняет ему, что работать тот пока не может, ведь второй приступ он может и не пережить. Зато некий работник здравоохранения сообщает по телефону, что Даниела на комиссии признали трудоспособным, а значит, права на получение пособия по инвалидности у него нет. Подтверждением его слов является полученное Даниелом письмо аналогичного содержания.

Пытаясь выяснить, в чём же дело, выдержав часа полтора прослушивания музыки в телефоне и дождавшись, наконец, ответа оператора, Даниел выясняет, что для получения пособия ему не хватило каких-то там баллов: он набрал 12, а надо 15. “Мы что, в футбол играем?” — возмущается он.

Можно подать апелляцию, но сначала надо подать заявление на повторное рассмотрение, оно будет проанализировано, принято решение, и только после этого решение можно будет обжаловать.

В наше время все процедуры осуществляются онлайн, а 60-летний Даниел, умеющий чинить и строить, не имеет представления, как обращаться с компьютерной мышью: “Дайте мне зелье, я построю дом, но компьютер — это не моё”.

Но выбирать не приходится: на что-то надо жить. Даниел хочет работать и дальше, но пока не может из-за медицинских показателей, на которые неким обезличенным ра-

не дающие никаких результатов. Высокотехнологичная система оказания социальной помощи населению, которой в силу возраста не могут воспользоваться те, кто больше всего в ней и нуждается...

ботникам здравоохранения (не врачам, а чиновникам) плевать.

Остаётся пособие по безработице. Но и его приходится отвоёвывать. Чтобы получить пособие, надо 35 часов в неделю искать работу. Искать в данном случае не для того.

Железная пята бюрократии

го, чтобы начать работать, а, чтобы получить, наконец, пособие.

Даниела готовы принять на работу — ведь специалист он отличный. Но он вынужден отказываться и вызывать гнев потенциального работодателя, сам себя унижая в его

котором жил герой, он неожиданно-гадано попадает в категорию отверженных. Оказывается, эти два мира существуют рядом друг с другом, и переход из одного мира в другой бывает внезапным, а последствия его неотвратимыми.

Проходя круги бюрократического ада, Даниел знакомится с молодой матерью-одиночкой Кэти Морган. Ранее с двумя детьми они проживали в Лондоне, а теперь влечат жалкое существование в Ньюкасле. В доме, где они раньше жили, потёк потолок, потом стена, стало холо-

дольше на пособие по безработице, выходит на улицу и разрисовывает стены социального учреждения протестной и отчаянной фразой: “Я, Дэниел Блэйк, требую назначения даты апелляции до моей голодной смерти...”, добавляя с присущим ему

Александр ТОКАРЕВ

но и сыро. Женщина возмущалась и... оказалась на улице. В Ньюкасле у неё не оказалось ни работы, ни своего жилья. Она вынуждена ходить в социальную службу, а после выстаивать очереди за бесплатной едой, но ни на что другое средств

юмором: “...И смените вашу дерьмовую музыку на телефоне”, устав ждать, как его постоянно переключают с одной линии на другую, от одного “специалиста” к другому.

Дэниел не стал сломенным системой. Но и победить её не смог. Наверное потому, что его величество Закон не предполагает победы гражданина над государством. И дело тут не в конкретной сумме выплаты пособия (по инвалидности или по безработице). Дело в том, что капиталистическая система, для которой главный принцип и цель существования — прибыль, не считает интересы отдельного человека, его права и свободы выше своих интересов и установленных ею же правил. Ты свободен, утверждает либеральная система ценностей, а значит, крутись, как уж на сковородке, чтобы выжить, а государство тебе помогать не обязано, оно тебя может только уничтожить, благо механизмов для этого в современном капиталистическом мире немало. И это хуже любой тоталитарной диктатуры.

Впрочем, протест Даниела Блэйка не политический. Сам он далёк от политики и лишь хочет быть не просто потребителем и налогоплательщиком, а гражданином: “Соблюдайте права, я гражданин — не больше и не меньше”.

Кинофильм “Я, Даниел Блэйк” не призывает к смене политического строя, а лишь к человечности, к тому, чтобы государство видело в каждом своём гражданине человека, а не просто субъекта налогообложения.

Думаю, что новая социальная драма Кена Лоуча, основанная на принципах гуманизма и социальной справедливости, хоть в какой-то мере повлияет на сознание зрителя, живущего в мире, где “униженных и оскорблённых” стали почему-то считать “лентяями и тунеядцами”, и будет способствовать переустройству этого мира, искоренению существующего в нём несправедливости.

По крайней мере, Золотая пальмовая ветвь, полученная режиссёром на фестивале в Каннах, рождает слабую надежду на это.

Ссоры. Крики. Разврат. Что ещё можно транслировать по одному из федеральных каналов утром, днём и вечером?

На днях я ехала в общественном транспорте и услышала, как две школьницы обсуждали телепередачу. Делали они это очень громко и заинтересованно, что даже если бы я и не хотела (а я не хотела слушать этот бред), то мне бы всё равно не удалось этого избежать.

Так вот, девочка, которая сидела ближе ко мне, с серьёзным видом рассказывала о том, как она сожалеет, что “Андрей расстался с Мариной — они были хорошей парой. Он изменил ей только несколько раз”. Её подруга опустила взгляд, в котором читалась грусть, и с сожалением кивнула. Интересно: пара измен не повод для расставания? Как вы, возможно, уже догадались, речь

Реалити в реальности

идёт о телепроекте “Дом-2”, на котором участники “строят любовь”. Предполагаемый возраст для просмотра — “16+”. Когда я спросила у девочек сколько им лет, они ответили: тринадцать. Разница с нормой три года. “Дом-2” транслируют буквально круглосуточно. Первый показ — “Дом-2. Город любви” — идёт поздней ночью, когда “детям” пора спать; далее “Дом-2. После заката”, где зачастую изобилуют откровенные сцены, но часть аудитории подростков (до “16+”) в это время видит уже десятый сон. Однако даже если родители и пытаются контролировать просмотр запрещённой передачи, не думаю, что их попытка увенчается успехом, потому что следующая программа “Дом-2. Lite” транслируется с утра, когда всё те же “дети” в школе, и также якобы “не могут” его посмотреть. Но и тут найден выход — днём, когда детки возвращаются из школы, а родители дома нет, чадо может спокойно воспользоваться интернетом и найти любой выпуск “Дом-2”. Тут уже нет никаких ограничений и запретов, разве что некоторые сайты требуют указать возраст либо отметить галочкой “Вам есть уже 18?” — Да!.

Но всё же не бывает дыма без огня. Откуда тринадцатилетние детки пьют ярым интересом к просмотру запрещённых передач? Всё просто. Многие из них насмотрелись на своих мам, которые любят наблюдать за развитием событий на проекте, как за сериалом с так называемыми “реальными персонажами”. Другие, смотря “Дом-2”, наслушавшись советов школьных друзей, а возможно и старших товарищей, считая, что это “очень модно и круто”.

Мне стало интересно, как же дело обстоит в реальности. Я провела анкетирование среди подростков от 13 до 15 лет с простыми вопросами: смотрите ли вы “Дом-2”? Если да, то по совету друзей или берёте пособие с родителей? Количество опрошенных — 80 человек. Результаты, к сожалению, не утешительны: 75% школьников ответили, что смотрят, 25% принципиально игнорируют это телешоу. Из 75% респондентов, которые отметили, что по совету друзей, 17% по своим причинам, и примерно 58% из опрошенных следуют примеру родителей.

Итак, из опроса можно сделать вывод, что “Дом-2” большинство подростков смотрит всё-таки по примеру родителей. А ведь воспитание идёт от семьи.

Психолог из Торонтского университета Альбер Ларсен отмечает, что те, кто смот-

рят подобные шоу, осознают, что происходящее на экране реально, телезрители переживают участников, как друзьям, прощаются их проблемами. Они считают, что жизнь именно такая. “А то, что на самом деле происходит”, — массовый психоз и один скандал”, — отмечает Ларсен.

Большая часть телезрителей выносит поведенческие модели участников реалити в повседневность. Начинается подражание любимым героям, копирование их в реальной жизни. Аудитория “Дом-2” зачастую не понимает, что всё происходящее прописано сценаристами, а у их кумира всего лишь такой образ, как у актёра в фильме, например. Но многие подростки не могут раз-

Татьяна ЛЕОНОВА

личать, “что такое хорошо, а что такое плохо”, поэтому всё чаще и чаще подвергаются влиянию и утрачивают ценности, которые должны быть ориентирами в жизни.

Результаты негативного влияния на подростков, которые “применяют” на себя образы героев реалити-шоу, показывает анкетирование, проведённое “Институтом гигиены и охраны здоровья детей и подростков Научного центра детей” среди 650 подростков старшего класса и учениц ПТУ в возрасте 17 лет. Среди опрошенных не нашлось ни одного девственника. К 2014 году более 40% школьников в возрасте 15 лет уже лишились девственности. При этом каждая пятая из них (8% от общего числа) лишилась невинности ещё до 13 лет. По сравнению с аналогичным опросом среди российских школьников, проведённым в 1995 году, показатель вырос на треть! Между тем, ещё в 1995 году доля девушек, чей дебют в половой жизни состоялся в 15 лет и ранее, официально составлял 3,7%. Далее, к 1980 году, число девственниц уменьшилось до 90%, к 1990-му был зафиксирован скачок “дебютанток” до 33% (то есть доля девственниц снизилась до 67%) (Ольга Гринь, “П.О.Л.И.С.”).

Девушки забывают, что ранняя половая жизнь ведёт к болезням, получаемым половым путем, нежелательной беременности, аборт, что приводит к бесплодию. А если и рождаются, у таких “мам” дети, то недоношенные, слабые, с пониженным иммунитетом. Больные матери рожают больных девочек — замкнутый круг!

В большинстве своём подобные тенденции связаны с негативным влиянием реалити-шоу на ещё не сформированную психику подростков, чей возраст не достиг так желаемой ими отметки “16+”. Практически с детства в растущую и развивающуюся личность с помощью телевидения и других средств влияния на общество закладывают неправильную основу, которая в дальнейшем приведет к выше приведенной статистике. Хотя почему приведет? Уже привела.

Открыта широкая дорога вседозволенности. Министерству культуры, которое почему-то на аморальный реалити-проект “Дом-2” даже ограничения “18+” не ввело, тем более всё равно, будут ли соблюдаться эти ограничения или нет. Они выполнили некую норму, а вернее они её сами же и придумали. А выполнять или не выполнять её — дело добровольное. Видимо, для них не существует такого понятия “рамки приличия”?

К пятидесятилетию выхода первой книги Николая Рубцова “Звезда полей”

Жизненная канва, земная судьба поэта описана. Есть довольно глубокая, добротная и сердечная книга Николая Коняева “О жизни, смерти и бессмертии поэта Николая Рубцова”. Читателей, которым Рубцов станет интересен, отсылает к ней. Но и кроме — существует масса воспоминаний современников, однокашников, коллег, в том числе они собраны в хорошей книге издательства “Эксмо” “Последняя осень”, которую я и перечитываю.

“Звезда полей” — первая настоящая и главная для Рубцова книга — вышла в “Советском писателе” полвека назад. Не побоясь сказать банальное: эта книга зажгла над Родиной “звезду” нового дорожного ей имени. Она вышла тогда, когда поэт был на пике своей не очень долгой творческой жизни. И уже в “Звезде полей” Рубцов предстал таким, каков он и есть на самом деле, каким он остаётся...

***
Прежде чем прямо перейти к главному о Николае Рубцове, главной теме его поэзии, отразившей с непреодолимой силой и значением главную тему судьбы России в XX веке, прочитаем ранние стихотворение “Левитан” (по мотивам картины “Вечный зvon”), где всё будущее рубцовской поэзии уже схвачено, и вдобавок ещё в звуке:

В глаза бревенчатым лагунам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!
Звон заоконный и околный,
У окон, около колонн, —
Я слышу зvon и колокольный,
И колокольчиковый зvon.
И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луза звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

Вот, на мой взгляд, первая, или одна из первых, заявка на будущее место, которое “обертон” Рубцова займёт в русской поэзии... Сейчас можно назвать это “русским рекевиомом”... хотя и ныне, как тогда, наименования такое может казаться поспешным. Собственно отчётливо тревожная, финалистская нота в ощущении и понимании о будущем аутентично-русского, цивилизационно русского в контексте эпохи появляется немногим позже: около 1963 года в Москве:

Россия! Как грустно!
Как странно поникли и грустно
Во мле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает
померкшая звёздная лоура,
И лодка моя на речной догнывает мели.
И храм старинный,
удивительный, белоколонный,
Пропап, как виденье,
меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
разрушенных белых церквей!..

Эпический “гекзаметр” единственно верен для этого дыхания, переживающего бегом по холмам отчизны, где ивы — безвестные. “Пост-

ра” (померкшая), куда помещены звёзды, также задаёт возвышенное значение месту — словно бы дворцу, торжественному залу бития, где над “храмом старинный” с пропитавшим его “древним духом кручины” (которого уже не вывести) — сразу — не только, сразу — диалог малой родины с небом, диалог о “большой” родине, во всём значении такого диалога... И вот она — знаменитая символическая лодка Рубцова, олицетворение бессилия, но бессилия (обездвиженности), в котором есть надежда. Поэт ещё не утверждает, ещё не может утверждать, может ещё не понимать (полувековой разрыв с “проклятым” прошлым и велик, и тяжёл), что разрушение белых церквей есть следствие, даже цель растаптывания царской короны... Но какое у него тонкое, летописное, даже “житийное” предчувствие и какого глубокого переживания требует оно, чтобы воплотиться в такую образную композицию:

О, сельские вуды!
О, дивное счастье родиться
В лузах, словно ангел,
под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я,
как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья
и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами
не будет таинственной силы,
Что, выльте на лодке,
повсюду достану шестом,
Что, всё понимая,
без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мой божесть!

Есенин выражал это чувство к родине спокойнее, в его полуфольклорном языке было твёрдое сознание силы: незыблемости конья на крыше и заката... Тревога появившая у него после революции... Блок видит (“О, Русь моя, жена моя! До боли...”), кажется, больше. Блок старше, он гражданин другой судьбы, в сумеречной Руси он скорее внимательный прохожий и ему не удалось её так выразить. Да и не прошло ещё полвека до Рубцова. Ключев говорил, прозревал, волновался много и... мудро... На мой взгляд, литература погрела в нём нужную родовую непосредственность — во всяком случае, зная имя Николая Ключева, мы не знаем его стихов, а это важнейший критерий. Рубцов же выражает чувство и мысль с силой, лёгкостью и меткостью которой паче твёрдости.

Останьтесь, останьтесь,
небесные синие своды!
Останься, как сказка,
веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашиях
венчает обильные всходы
Старинной короной
своих восходящих лучей!..

Если бы у Руси был свой Гомер, он должен был бы писать вот так... Лично мне (но конечно не только мне) рубцовское “останься” представляется главным содержанием современной (и конечно не только современной) истории. Одна тема, которую “взял” Рубцов, наверное, потому

и одна, что это основная тема — тема человека, “взяв” которую допустимо забыть обо всех других. Белинский увидел бы в ней — наконец-то — ту всемирно-исторически значимую тему, которая выпала-таки и нам, русским... Впрочем, доживи критик до 1860-х, он был бы утешен уже тогда. Печалившая его русская вторичность в мировой истории духа пресеклась, когда русскими писателями была сделана историсофская диагностика капитализма. Да и немного позже — русская философия, выучившись у немцев анализу, превзошла их в синтезе...

Но это всё дела давние. А вот каким образом в этом же “месте” мировоззрения, на такой же его высоте — пусть не в теории, но интуитивно

Максим ЕРШОВ

оказался Рубцов — самородок без магдебургских лекций, семейных преданий, не умеющий сдать контрольную по истмату?

Поэт рождается на прорыве коллективного бессознательного через личное, из “памяти крови”, которую обычно высвобождает и заставляет говорить через личную трагедию судьба.

О, Русь — великий звездочёт!
Как звёзд не свергнуты с высоты,
Так век неслышно протечёт,
Не тронув этой красоты;
Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён...

***

Позволю себе рискнуть — приведу здесь цитату из книги великого русского мыслителя Николая Бердяева. Сделаю это с двоякой целью: показать, что Рубцов вообще близок русской философии в своём мироощущении, и показать, какой сутью раскрывается конфликт поэта с его эпохой — потому и особенно острый и так отчаянно в жизни Рубцова проявившийся, что он — наследник своей Руси. Цитата, кажется, не сложная для понимания и без дополнительных пояснений: “Актуализм цивилизации требует от человека всё возрастающей активности, но этим требованием он порождает человека, превращая его в механизм. Человек делается средством нечеловеческого актуального процесса, технического и индустриального. Результат этого актуализма совсем не для человека, человек этого результата. Духовная реакция против этого актуализма есть требование права на созерцание. Созерцание есть передышка, обретение мгновения, в котором человек выходит из порождённости потоком времени”.

Мы почти всё об этом уже знаем, если не знаем, то чувствуем. Можно добавить, что последнее утверждение Бердяева есть определение содержания лирики как психологического состояния момента. И к Рубцову, к его поведению в быту и творчестве нам эти мысли применить можно и нужно, если мы хотим больше понять о поэте и о природе его “останься, останься...”.

Вспомним:
Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.
Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,

Чей-то злой, настигающий топот
Всё мне слышится, словно в бреду.

Это явление “двойника”, двоения социальной роли и социального требования, быта, карьеры и — всего главного, для чего стучит сердце. И невозможность соединить поэта, слушающего зов вечности и мига, с мужем и гражданином, удел и пространство которых, если угодно, как раз этот актуализм, о котором пишет Бердяев, хотя можно найти и другие формулировки.

И, да, она уместна здесь, эта печальная и даже страшная цитата из книги Николая Коняева: “И соединил. Его стихи — всегда попытка восстановления храма, это возведение церковных

стен, вознесение куполов, это молитва, образующая церковное строение, и страшное ожидание окончательной гибели его. Рухнувший, рассыпавшийся в пыль стены возведённого храма, осяенная пуста сквозит между опорами купола, и гаснет свет святости в захлестывающей поэта черноте.

Я не хочу подвергать критике памятник Н.М. Рубцову в Тотмье, но этот памятник — неправда. В развалинах Никольской церкви, что на берегу реки Толшмы, созвучия рубцовской судьбе больше. Они так же трагичны, как трагична его жизнь, так же страшны, как страшна судьба Рубцова”.

Принём, конечно, Рубцов не был слеп. В своём неотправленном письме Глебу Горбовскому он оставил слова не менее горькие, в чём-то поясняющие приведённые выше восемь строк “Прошальной песни!": “...иначе говоря, нет и здесь у меня уединения и покоя, и почти поисчезли и здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых — одна радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете — сочетание старинного невежества с современной безбашенностью, давно уже распространявшиеся здесь...”.

Думаю, что если не спасение, то сохранение дорогого для его сердца — любимого им в людях и в мире — он должен был видеть в возрождении этого мира, мира природы и Традиции, обречённого 50 лет назад: в возвращении сюда “звезды труда, поэзии, покоя”... Что характерно, в судьбах русских поэтов их страна ни разу не разглядела начала своего конца...

***

Содержание поэзии Николая Рубцова — в том наибольшем, что подразумеваем мы, произнося имя этого поэта — заключается в едином интонационно и в цвете данном образе (гипер-образе), где раскрывается философское зерно, цивилизационный пафос исторического феномена, который подразумеваем мы, произнося имя Отчизны. Все хрестоматийные стихи Рубцова об этом нашем мире, и проникнуты чувством судьбы этого нашего мира, который, да, более всего доступен на русском Севере — в аскетичных условиях существования, имеющих замедленный ритм: здесь потому и происходит вековое созерцание, провидение неба сквозь поверхность довольно однообразных явлений жизни... Пусть слова мои — банальны, но они, по созвучию со многими нашими старинными текстами, вновь указывают причину глубочай-

шей традиционности поэта. И причину, по которой большинству современных читателей тексты Рубцова должны казаться шифровкой забытой цивилизации, светом погасшей звезды. Давняя озабоченность Станислава Куняева вновь актуальна: понимать Рубцова, любить его поэзию можно в непосредственной близости к храму или же понимая и любя русскую историю. Но ведь искоренение именно этих понимания и любви есть одна из основных забот действительных хозяев нашей жизни... Не об этих ли “иных времён монголах” выкрикнул однажды поэт? Осень, поздняя осень, облетающая листва, дождь, грязь, пронизывающий воющий ветер, метель, пыльность, потерянное в колее колесо, догнавшая лодка — ведь это и есть беспощадные сумерки и подлые потёмки всего, что было тысяч лет Россией. Что остаётся после этих образов?

Выяснилось, что после всего ещё остаётся песня, Песня — последнее, полумистическое. Но ведь и Песня как нечто совершенно экзистенциальное, как эпифеномен русского бытия — и Песня под концентрированным и научно организованным ударом: смысловым, экономическим, информационным... Вот как сказал несколько лет назад другой русский поэт — Михаил Анищенко:

Порой покажется — светает
Над полем, речкой и цветком...
Но всё быстрее льдина тает
Над каждым русским городком.
Страна берёзового ситца
Ещё как будто бы жива...
Но на престол уже садится
Иван, не помнящий родства.

Насколько ещё нужна поэзия Николая Рубцова и его Звезда полей в жизни, где всё настроено и отлажено под крепкий грек старинного невежества и совершенной обезбашенности? Я не знаю: полвека спустя эта Звезда светит вславу, что и идёт по России и видит её, Россию. Что дальше?

Для себя я закончил бы свой краткий рассказ о Рубцове “Полночным пеньем”.

Но... для всех нас заканчиваю другим стихотворением поэта — “Поезд”.

Поезд мчался с эротомом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом,
И ему навстречу жёлтым роём
Понеслись огни в просторе мглнстом.
Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.

Вот он, глазом озненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разьезде где-то у сарая
Подхватил, понёс меня, как леший!
Вместе с ним и я в просторе мглнстом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с эротомом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем,
Я, как есть, загадаю мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: “До свиданья!”
Но довольно! Быстрое движенье
Всё смелее в мире зод от зоду,
И какое может быть крушеньё,
Если столько в поезде народу?